

“**К**ак далеко!” — подумала Матильда, впервые приехав на ферму. Ее тревожило, что придется жить на отшибе. В то время, в 1947 году, они еще не обзавелись машиной и двадцать пять километров от Мекнеса вынуждены были трястись в старой повозке какого-то цыгана. Амин не обращал внимания на то, что деревянное сиденье ужасно неудобное, что жена задыхается от кашля, глотая пыль. Он жадно всматривался в пейзаж по обе стороны дороги и, сгорая от нетерпения, ждал, когда же они наконец доберутся до участка, унаследованного им от отца.

Много лет прослужив переводчиком в колониальной армии, в 1935 году Кадур Бельхадж купил пару сотен гектаров каменистой земли. Он поведал сыну свою мечту: превратить это владение в процветающее сельскохозяйственное предприятие, чтобы оно кормило не одно поколение семейства Бельхадж. Амин вспоминал взгляд отца, когда тот твердым голосом излагал планы создания фермы. Несколько десятков арпанов нужно будет отвести под виноградники, втолковывал он сыну, остальные площади засеять зерновыми. Дом надо построить на холме, на самом солнечном месте, вокруг разбить фруктовый сад, высадить несколько рядов миндальных де-

ревьев. Кадур гордился тем, что эта земля принадлежит ему. “Наша земля!” — он произносил эти слова не так, как националисты или поселенцы-колонисты, взывающие к патриотизму и высоким идеалам, а как хозяин — счастливый и полноправный обладатель собственности. Старый Бельхадж мечтал, чтобы его похоронили в этой земле, чтобы в ней упокоились его дети, чтобы она его кормила и дала ему последний приют. Но он умер в 1939 году, когда его сын поступил на службу в полк спаги, с гордостью облачившись в бурнус и брюки-саруэл. Амин, старший сын и отныне глава семьи, уходя на фронт, сдал свою землю в аренду одному французу из Алжира.

Когда Матильда спросила, от чего умер ее свекор, которого она не знала, Амин положил руку на живот и молча покачал головой. Позже Матильде стало известно, что случилось с Кадуром Бельхаджем на самом деле. Он остался жив в сражении под Верденом, но с той поры страдал от хронических болей в желудке, и никакие лекари — ни марокканцы, ни французы — так и не сумели ему помочь. И вот Кадур, считавший себя человеком здравомыслящим, гордившийся своей образованностью и способностями к иностранным языкам, совершенно отчаявшись и стораая от стыда, отправился к знахарке-шуафе, принимавшей посетителей в подвале. Ведунья принялась убеждать его в том, что все дело в порче, кто-то затаил на него великое зло, и этот враг, наславший на него мучительный недуг, очень опасен. Она дала Кадуру сложенный вчетверо листок бумаги, насыпав туда желтый порошок шаффрана. В тот же вечер он выпил снадобье, разведя его водой, и спустя несколько часов умер в ужасных

мучениях. Члены семьи не любили об этом вспоминать. Им было стыдно, что отец проявил такую наивность и скончался при таких неприглядных обстоятельствах: почтенный офицер обделался во внутреннем дворике собственного дома, измарав жидкими фекалиями белоснежную джеллабу.

В тот апрельский день 1947 года Амин, улыбнувшись Матильде, стал поторапливать возницу, который тер одну о другую грязные босые ступни. Мужчина так сильно стегнул мула, что Матильда вздрогнула. Ее возмутила жестокость цыгана. Он звучно цокал языком и то и дело хлопал кнутом по тощей, с выпирающим хребтом спине несчастной животины. Стояла весна, Матильда была на третьем месяце беременности. В полях густо цвели оранжевые ноготки, розовые мальвы, ярко-синяя огуречная трава. Свежий ветер раскачивал стебли подсолнечника. По обе стороны дороги раскинулись владения французских поселенцев, обосновавшихся здесь лет двадцать-тридцать назад: их земли располагались на пологих склонах и тянулись до самого горизонта. Большинство приехали сюда из Алжира, и местные власти выделили им самые лучшие и обширные участки. Амин вытянул вперед руку, другой, как козырьком, прикрыл глаза от полуденного солнца и стал всматриваться в открывшийся его взору бескрайний простор. Он указал жене пальцем на ровный ряд кипарисов, который опоясывал поместье Роже Мариани, сколотившего состояние на виноделии и свиноводстве. Ни хозяйского дома, ни больших виноградников с дороги было не разглядеть. Однако Матильде не составило труда представить себе, какими богатствами обладал этот зем-

левладелец, и это преисполнило ее радужных надежд на собственное будущее. Безмятежная прелесть пейзажа напомнила ей гравюру, висевшую на стене над пианино в доме ее учителя музыки в Мюлузе. Она вспомнила, как он ей сказал:

— Мадемуазель, это Тоскана. Возможно, однажды вы побываете в Италии.

Мул остановился и стал щипать травку, росшую на обочине. Он не выказывал ни малейшего желания взбираться на крутой склон, куда вела дорога, тем более что она была покрыта крупными белыми камнями. Возница пришел в ярость и принялся осыпать животное проклятиями и ударами. Матильда почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Попыталась взять себя в руки и прижалась к мужу, но ему такая нежность показалась неуместной.

— Что с тобой? — спросил Амин.

— Скажи ему, чтобы перестал бить этого несчастного мула.

Матильда положила руку на плечо цыгана и посмотрела на него, словно ребенок, который пытается умиловить разбушевавшегося отца. Но возница от этого озверел еще больше. Сплюнул на землю, поднял руку и прорычал: “Тебе что, тоже кнута захотелось?”

Настроение у всех испортилось, да и пейзаж стал безрадостным. Они очутились на вершине холма с осыпями на склонах. Ни цветов, ни кипарисов, лишь несколько оливковых деревьев, чудом выживших на каменистой почве. Казалось, этот холм — бесплодная пустыня. Мы уже не в Тоскане, скорее на Диком Западе, подумала Матильда. Они сошли с повозки и направились к маленькому и невзрач-

ному белому дому с уродливой жестяной кровлей. Это был даже не дом, а несколько кое-как пристроенных одно к другому темных сырых помещений. Из единственного оконца, расположенного высоко, под самым потолком, дабы внутрь не могли попасть вредоносные твари, лился скудный свет. Матильда заметила на стенах широкие зеленоватые разводы — следы недавних дождей. Бывший арендатор жил один; его жена вернулась домой, в Ним, после того как потеряла ребенка, а ему в голову не приходило придать этому жилищу вид гостеприимного дома, где может поселиться семья. Хотя в воздухе разливалось тепло, Матильда продрогла до костей. Планы, которым поделился с ней Амин, очень ее тревожили.

Ей уже однажды довелось испытывать такую тревогу — в Рабате, первого марта 1946 года. Хотя небо было ослепительно-синим, а ее переполняла радость оттого, что она снова видит мужа и ей удалось перехитрить судьбу, ее охватил страх. Она провела в пути двое суток. Сначала добралась из Страсбурга до Парижа, потом — из Парижа в Марсель, из Марсея в Алжир, где поднялась на борт старенького “юнkersа”, не чая дожить до конца рейса. Она сидела на неудобной скамейке среди переживших войну мужчин с усталыми глазами и с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. Во время перелета она плакала, молилась, ее рвало. Горечь желчи смешалась у нее во рту с соленым вкусом слез. Ее угнетало не то, что она может погибнуть где-нибудь над Африкой, а то, что в аэропорту, где ее ждет

самый дорогой в мире человек, ей придется показаться в мятом, испачканном рвотой платье. В итоге она все-таки приземлилась, живая и невредимая, и Амин ждал ее, еще более красивый, чем раньше, под небом такого яркого голубого цвета, что казалось, его только что тщательно промыли чистой водой. Муж расцеловал ее в обе щеки, украдкой ловя взгляды других пассажиров. Потом страстно и предостерегающе сжал ее правый локоть. Видимо, хотел ее контролировать.

Они сели в такси, и Матильда прижалась к Амину, наконец почувствовав, как он напрягся от желания, как изголодался по ней.

— Сегодня мы переночуем в гостинице, — произнес он, обращаясь к водителю, и, словно желая продемонстрировать свою нравственность, добавил: — Это моя жена. Мы только что встретились после разлуки.

Рабат, маленький белый, залитый солнцем городок, поразил Матильду изысканной красотой. Она с восторгом любовалась фасадами центральных зданий в стиле ар-деко и, прижав нос к стеклу, старалась получше рассмотреть гулявших по бульвару Маршала Лиоте красивых дам в тщательно подобранных по цвету перчатках, туфлях и шляпках. Повсюду кипела работа, строились новые здания, перед ними в поисках работы толпились мужчины в лохмотьях. Вдалеке чинно шествовали монахини, рядом с ними — две крестьянки, тащившие на спине вязанки хвороста. Малышка с короткой мальчишеской стрижкой хохотала, глядя на ослика, которого волок на поводу чернокожий мужчина. Впервые в жизни Матильда дышала соленым воздухом Ат-

лантики. Свет дня потускнел, стал розоватым, бархатистым. Ей захотелось спать, она уже почти склонила голову на плечо мужа, когда тот сообщил, что они приехали.

Двое суток они не выходили из номера. Матильда, хотя ее очень интересовали люди на улицах и то, что происходило снаружи, наотрез отказалась открывать ставни. Ей не надоедали ни руки Амина, ни его губы, ни запах кожи, пропитанной, как она теперь понимала, воздухом этой земли. То, что он делал с ней, было похоже на колдовство, и она умоляла его оставаться внутри нее как можно дольше, даже если они засыпали или просто разговаривали.

Мать говорила, что напоминанием о нашей животной природе служат нам страдания и стыд. Однако никто не рассказывал Матильде о наслаждении. Во время войны печальными, унылыми вечерами, поднявшись в свою стылую спальню, Матильда удовлетворяла себя сама. Заслышав сигнал воздушной тревоги, возвещавший о бомбежке, и рев приближающихся самолетов, Матильда поднималась к себе, но не для того, чтобы укрыться от налета, а чтобы утолить желание. Всякий раз, как ей становилось страшно, она мчалась к себе в комнату, и хотя дверь туда не запиралась, ей было наплевать, что кто-нибудь может застать ее врасплох. Остальные предпочитали забиться всем скопом в какую-нибудь яму или в погреб, они хотели умереть вместе, как животные. А она, развалившись на кровати, удовлетворяла себя, и это был единственный способ умерить страх, взять его под контроль, одолеть ужас войны. Лежа в постели на несвежих простынях, она думала о мужчинах, которые с винтовками наперевес бре-

дут по равнинам, о мужчинах, лишенных женщин, как она была лишена мужчины. И когда она трогала свой клитор, ей представлялось безбрежное неутоленное желание, жажда любви и обладания, охватившая всю планету. Эта вселенская похоть приводила ее в состояние экстаза. Она откидывала голову и, закатив глаза, воображала, как целые легионы мужчин приближаются к ней, овладевают ею, потом благодарят. Для нее страх и удовольствие были неразделимы, и в момент опасности она первым делом думала о наслаждении.

Прошло два дня и две ночи, прежде чем Амин, умиравший от жажды и голода, почти силком вытащил Матильду из кровати, заставил спуститься на террасу отеля и сесть за столик. Но и там, разгорячившись от вина, она принялась мечтать о том, как Амин вернется туда, где ему следует находиться — у нее между ног, — и наполнит ее удовольствием. Однако лицо мужа посерьезнело. Он руками отломил половину курицы и быстро ее уничтожил, потом завел разговор о будущем. Амин не пошел с ней в номер, ему не понравилось ее предложение отдохнуть в кровати после обеда. Несколько раз он выходил звонить по телефону. Когда она спрашивала его, кому он звонит и скоро ли они уедут из Рабата и из этой гостиницы, он отвечал уклончиво.

— Все будет хорошо, очень хорошо, — говорил он. — Я все устрою.

Прошла неделя, и однажды, после того как Матильда весь день просидела одна, он вошел в номер, сердитый, раздосадованный. Матильда осыпала его ласками, села к нему на колени. Он едва пригубил пиво, которое она ему налила, и сказал:

— Плохая новость. Пока что мы не можем переехать в наш дом, придется несколько месяцев подождать. Я говорил с арендатором: он отказывается освобождать ферму до окончания срока договора. Я попытался найти квартиру в Мекнесе, но там пока еще слишком много беженцев, и совершенно невозможно снять жилье по приемлемой цене.

Матильда растерянно спросила:

— И что же нам теперь делать?

— Поживем пока что у моей матери.

Матильда вскочила и расхохоталась:

— Ты шутишь?

Эта ситуация, видимо, показалась ей нелепой и смешной. Разве такой мужчина, как Амин, мужчина, способный всецело обладать ею, как сегодня ночью, может толковать о том, что им придется пожить у его матери?

Амину ее веселье явно пришлось не по вкусу. Он остался сидеть, чтобы не испытывать унижения из-за разницы в росте с женой. И, сосредоточенно рассматривая мозаичный пол, ледяным тоном произнес:

— Здесь так принято.

Сколько раз потом ей приходилось слышать эти слова! Но именно в тот момент Матильда поняла, что она иностранка, женщина, супруга, существо, целиком зависящее от воли других. Теперь Амин был на своей территории, он растолковывал ей правила, указывал, как себя вести, обозначал границы дозволенного, объяснял, что прилично, а что нет. В Эльзасе, в годы войны, он был иностранцем, который ненадолго попал на чужую территорию, и старался держаться незаметно. Встретив его осенью

1944 года, она стала ему проводником и защитницей. Полк Амина размещался в нескольких километрах от Мюлуза и со дня на день ожидал приказа об отправке на восток. Среди девушек, окруживших джип в день их прибытия, Матильда была самой высокой. У нее были широкие плечи и мускулистые мальчишечьи икры. Зеленые глаза цветом напоминали ключевую воду в Мекнесе, и она неотрывно смотрела на него. Всю ту долгую неделю, что они провели в ее деревне, она ходила с ним гулять, познакомила со своими друзьями, научила играть в карты. Он был по меньшей мере на голову ниже ее и немисливо, неправдоподобно темнокожим. И таким красивым, что Матильда постоянно боялась, что его у нее отобьют. Боялась, что все это ей только чудится. Никогда прежде она ничего подобного не испытывала. Ни в четырнадцать лет с учителем музыки, преподававшим ей игру на фортепьяно. Ни с двоюродным братом, который шарил рукой у нее под платьем и воровал для нее вишни на берегу Рейна. Однако, приехав сюда, на родину Амина, она почувствовала себя так, будто ее обобрали до нитки.

